

Прокофьева В. Ю.
V. Yu. Prokofeva

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ГЕНДЕРНАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ

CULTURAL CODES OF RUSSIAN POETRY: GENDER PARAMETRIZATION OF THE IMAGE OF RUSSIA

Прокофьева Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Россия, Санкт-Петербург); 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13; тел.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.
Ms. Viktoria Yu. Prokofeva – Grand Ph. D. in Philological Science, Full Professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television (Russia, St. Petersburg); 191119, Petersburg, 13 Truth str.; tel.: +7 (911) 986-45-46. E-mail: vicproc@rambler.ru.

Аннотация. В статье анализируются гендерные образы России, представленные русской поэзией XX века. Исследование проводилось методом представительной выборки фрагментов стихотворений российских авторов, включающих слово *Россия*; реконструкция поэтического образа основывалась на анализе лексико-грамматических моделей, формирующих образ страны. Выявлена повторяемость женских поэтических образов России на протяжении долгого периода, что позволяет относиться к ним как к культурным кодам. Женская параметризация поэтической России обусловлена устоявшимися представлениями в культуре и воплощается в текстах в конкретных образах, из которых наиболее частотные *Россия-мать*, *Россия-страдалница*, *Россия-Христос*, причём последний имеет «женский вариант». Все три образа появляются в поэзии в период социально-политических потрясений в стране: они зафиксированы в период Октябрьского переворота, Великой Отечественной войны, развала Советского Союза и осмысления последствий этого.

Summary. The article analyzes the gender images of Russia, presented by Russian poetry of the twentieth century. The study was conducted by a representative selection of fragments of poems by Russian authors, including the word *Russia*, the reconstruction of the poetic image was based on the analysis of lexical and grammatical models that form the image of the country. The repeatability of women's poetic images of Russia over a long period has been revealed, which makes it possible to treat them as cultural codes. The female parametrization of poetic Russia is determined by the well-established notions in culture and is embodied in texts in specific images, the most frequent of which are *Russia-mother*, *Russia-sufferer*, *Russia-Christ*, and the latter has a «female version». All three images appear in poetry during the period of sociopolitical upheavals in the country: they were set during the October Revolution, the Great Patriotic War, the collapse of the Soviet Union and the comprehension of its consequences.

Ключевые слова: культурный код, русская поэзия, гендерная параметризация, образ, Россия.

Key words: cultural code, russian poetry, gender parametrization, image, Russia.

УДК 882.086

Определяя поэзию как самосознание культуры, М. Н. Эпштейн замечает в поэтическом слове «стремление максимально использовать его культурно насыщенные, устоявшиеся формы» [9, 135]. Исследование метаэлементов поэзии позволило Н. А. Кузьминой определить эти элементы как некие ключи или коды, которые, «будучи правильно интерпретированы, вводят целый пласт культурной информации» [1].

Эти формы, ключи, коды суть образы, рождённые в голове читателя словом, причём слово может быть одно, а интерпретации его в поэтических системах разных авторов и в разные эпохи позволяют представить репертуар культурных кодов, через которые конструируются поэтические образы одного фрагмента действительности. Покажем это на примере слова, являющегося именем культурного концепта и вне поэтического дискурса, – *Россия*. Становясь элементом художествен-

ной картины мира, это слово становится полисемантическим образом и даёт множественные векторы интерпретаций его смысла через заложенные в нём культурные коды.

Исследование фрагментов стихотворений, включающих слово *Россия*, как известных российских авторов, так и поэтов второго и третьего рядов XX века (синонимические замены *Родина*, *Отчизна*, *страна*, *земля* и др., также интересные для интерпретации, во внимание не брались по причине большого количества материала), позволило выявить повторяющиеся образы страны, причём это не интертекстуальные отсылки или цитаты, не чужое слово, а каждый раз *своя* поэтическая интерпретация уже устоявшегося в культуре представления. Подобная интерпретируемость образов, их репрезентативность, фрагментарность и иерархичность [4], конструируемость на основе существующего в культуре и представление как фрагмента собственной модели мира [8] дают возможность относиться к некоторым поэтическим образам России как к культурным кодам. Собранный материал (более 800 фрагментов более 200 авторов) показал повторяемость антропоморфной гендерной, а особенно – женской параметризации образа России. Рассмотрим их подробнее.

Поэзия начала XX века представила концентрацию возможных образов России, вобрав в себя метафоризацию страны из художественного творчества поэтов XIX века и став своеобразной точкой отсчёта в поэтическом определении родины авторами последующих литературных периодов. Частотными представлениями поэтической России становятся гендерные женские образы родины, изначально связанные русским языковым сознанием с архетипом матери: «активация этого архетипа для обозначения признака “как бы материнское попечение родины по отношению к её сынам и дочерям”» обусловила выбор глаголов, образующих вместе с базовым наименованием фразеологически связанные с ним сочетания *родина вскормила, воспитала, вырастила, дала...*» [6, 470]. Этот архетипический образ особенно активизируется в трудные для страны времена и часто возникает в период Великой Отечественной войны и разрушения советской системы в конце 1980 – начале 1990-х гг.

Женский гендерный образ России на уровне текста даёт целый ряд лексем: *мать, жена, невеста, дева* и др., формируется с помощью следующих лексико-грамматических моделей: а) прямая лексическая дефиниция (*О Русь моя! Жена моя!*); б) различная тропеизация (большеглазая Русь; груз годов несущая); в) «женская параметризация»: называние частей тела, одежды (очи, ланиты, косы, одежды, лик); г) глаголы, ассоциативно соотносящиеся с женскими эмоциональными действиями (смеётся, хохочет, плачет, скорбит); д) лексическая самоидентификация поэта по отношению к стране (*Мы – дети страшных лет России* – А. Блок; *Ты – сын России* – Н. Добронравов).

Особенно важным для осмысления образа страны этот код становится в «переломные» точки российской истории XX века (Октябрьская революция, Великая Отечественная война, развал СССР). По частотности словоупотребления первые позиции занимают лексемы *мать, страдальца, женщина (баба)*. В словаре концептов русской культуры Ю. С. Степанова говорится о том, что концепт *Россия-мать* «смыкается с представлениями об особой русской религиозности... с особым отношением к своей стране как к матери или как к жене» [5, 513]. В военной поэзии образ матери-России представлен в патетической тональности: *Чтоб, как встарь, стояла величаво / Мать-Россия, наша жизнь и слава!* (Д. Кедрин, 1942). Сама дефиниция России часто включает устаревшую лексику – *мати, матерь*. Наполнение высокими смыслами подчёркивается на синтагматическом уровне эпитетами *родная, милосердная, родимая, благодарная, прекрасная*. В военной поэзии находим образ, утвердившийся в русской литературе со времён «Слова о полку Игореве», – Ярославны: *...в каждой бабе видел Ярославну* (С. Наровчатов, 1941). Образ женщины, оплакивающей павших в битве, появлялся в русской поэзии и ранее, но оказался чрезвычайно востребованным именно во время Великой Отечественной войны: О. Берггольц в блокадном Ленинграде пишет стихотворение «Я буду сегодня с тобой говорить», где Ярославна прямо соотносится с Россией, а П. Антокольский создаёт в 1944 году поэму «Ярославна», представляющую одновременно и образ верной подруги, терзающейся незнанием о своём любимом, и страны, думающей о своих воинах-защитниках. Так происходит объединение нации по родственному признаку, и Ярославна – уже не

жена, плачущая по мужу, а одновременно и мать, и страна, и душа народа. В военной поэзии не мог не появиться ещё один образ страны, связанный с образом России-страдалицы, – России-победительницы. Оба образа воплощаются в поэтическом тексте с использованием стилистически возвышенной лексики и риторического синтаксиса. Подробнее о женских образах России, зафиксированных в военной поэзии, – в нашей статье [2].

В русской поэзии последней трети XX века, по концентрации социально-политических перемен не уступившей его началу, мы снова встречаем и образ России-матери: *Россия-мать! Так где же твои дети?* (В. Николаева, 1997), и образ России-страдалицы: *Моя измученная Русь, доколь страдальницей ты будешь?* (Ю. Максименко, 1985).

Что касается мужской параметризации образа России, то таковой в русской поэзии практически нет. В лингвистической диссертации Ю. В. Черенковой представлен большой репертуар «поэтических имён» Руси (России) [7], среди которых мужских лишь несколько, встретившихся исследователю единично. Повторяющийся из них только один, определяющийся не столько гендерным кодом, сколько библейским – Христос.

Поэтические образы *Россия-Христос* или *Россия-Мессия* появляются в революционные 1917-1918 годы и особенно ярко – в творчестве А. Блока и А. Белого. Филологи видят в блоковском Христе земное воплощение Вечной Женственности и различают Христа «лирического» и «эпического». В первом актуализируется мотив «сораспинания» поэта с родиной: *Тебя жалеть я не умею / И крест свой бережно несу* (Россия), во втором – возмездия: *Несут испуганной России / Весть о сжигающем Христе* (Задебренные лесом кручи...) [3, 17]. «Лирический» Христос статичен, в нём поэт отождествляет себя со страной в триаде распятия *Россия – Христос – Поэт* (*И ты, огневая стихия, / Безумствуй, сжигая меня, / Россия, Россия, Россия – / Мессия грядущего дня!* – А. Белый «Родине», 1917; *Россия! ...Распять себя дала ты на кресте* – Р. Ивнев. Октябрь, 1918). «Эпический» Христос представлен динамично, он перемещается по России, отождествления с поэтом отсутствуют (*Люблю я, русский, русского Христа, Русь исходившего...* – начало стихотворения Ю. Верховского, 1918–1921).

Негендерное соотнесение образа подтверждается тем, что в русской поэзии XX века, практически на всём его протяжении, можно обнаружить «женский вариант» Христа. Так, в начале XX века в поэзии С. Есенина находим женское воплощение библейского образа: *Гибни, / Русь моя, / Начертательница / Третьего / Завета!* («Сельский часослов»); *О Русь, приснодева, / Поправшая смерть!* («Пришествие»). В период Отечественной войны в силу идеологических причин поэты ищут опосредованные способы его реализации, соединяя его с образом *России-страдалицы*, когда аллюзии с каноническим образом улавливаются в стихах через фразеологизмы или написание местоимения с заглавной буквы (курсив наш – В. П.):

Я люблю Тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С тёмной радугой над головой (О. Берггольц, 1941).

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест... (М. Исаковский, 1944).

В конце XX века библейский образ появляется вновь и связан он с метафорой распинания страны, краткой: *Россия гибнет на кресте* (Ю. Ключников, 1996) либо развёрнутой:

Какая неожиданная грусть –
На склоне дней подсчитывать утраты
И понимать, как распинают Русь
Моих времён иуды и пилаты (С. Куняев, 1991).

По данным Ю. В. Черенковой, мотив странничества в поэтическом образе России возвращается в конце 1970-х, актуализируя тему ссылки, изгнания [7, 128]. В 1990-х в текстах появляется образ России, всего лишь одной деталью отсылающий к богомольцам, странникам или исходившему Русь Христу в стихотворении уже забытого поэта:

И я увидел в роднике
С котомкою Россию (М. Катков).

Как видим, гендерная параметризация образа России в русской поэзии XX века чрезвычайно распространена именно в женском варианте, что можно связать с культурным кодом в представлении страны. Повторяемость такого поэтического воплощения России напрямую соотносится с геополитическим состоянием отечества, неустойчивость которого вызывает не только всплеск стихов о России, но и схожесть в её метафоризации. Семантически близкие образы зафиксированы в период Октябрьского переворота, Великой Отечественной войны и в 1990-х, когда поэзия называет Россию матерью, страдальцей и Христом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмина, Н. А. Культурные знаки поэтического текста [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина. – Режим доступа: <http://imit.omsu.ru/vestnik/articles/y1997-i1/a074/article.html> (дата обращения: 15.06.2019).
2. Прокофьева, В. Ю. Женские образы России в русской поэзии периода Великой Отечественной войны / В. Ю. Прокофьева // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в.: сб. науч. трудов Всероссийской науч.-практ. конференции, г. Стерлитамак, 28 сентября 2018 года. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. – С. 248–252.
3. Пьяных, М. Ф. Россия и революция в поэзии А. Блока и А. Белого // А. Блок, А. Белый: Диалог поэтов о России и революции / М. Ф. Пьяных. – М., 1990. – С. 5–30.
4. Симбирцева, Н. А. «Код культуры» как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157–167.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.
6. Телия, В. Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «Родина» / В. Н. Телия // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. – М., 1999. – С. 466–476.
7. Черенкова, Ю. В. Локус *Россия* в русской поэзии XX века: лексический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Черенкова Юлия Владимировна. – Оренбург, 2014. – 333 с.
8. Шатин, Ю. В. Шекспировский код в поэтике Бориса Пастернака / Ю. В. Шатин // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 213–219.
9. Эпштейн, М. Н. Поэзия как самосознание культуры. Поэзия и сверхпоэзия: о многообразии творческих миров / М. Н. Эпштейн. – СПб., 2016. – С. 127–138.